

БЕЗСТРАШНЫЕ ЛЮДИ.

(Историческая справка).

«Безстрашные люди». Эти слова взяты изъ историческаго документа — изъ единственной, дошедшей до насъ, грамоты Патріарха Гермогена, относящейся къ 1611 году. Грамота эта очень немногословна. Она писалась, видимо, второпяхъ. Но, будучи немногословной, она содержитъ въ себѣ многоговорящія, огненные, призывныя слова, обращенныя ко всей національной патриотической Россіи того времени, зовущія къ памятованію своего долга и къ отвѣтственнымъ политическимъ рѣшеніямъ. А заканчивалась эта грамота какъ разъ упоминаніемъ о «безстрашныхъ людяхъ»:

«А прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей, свяжеина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова...»

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ просилъ нижегородцевъ, къ которымъ онъ обращался съ нею, въ первую очередь прислать къ нему въ Москву, въ Кремль, заняты поляками, державшими въ то время Патріарха въ тюремномъ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, «безстрашныхъ людей» Родіона Мосѣева и Ратмана (т. е. Романа) Пахомова, которые уже присылались прежде къ нему съ «совѣтными челобитными» изъ Нижняго Новгорода, а, можетъ быть, и изъ другихъ городовъ. Изъ другого документа мы знаемъ, что Родіонъ Мосѣевъ былъ «посадскимъ человѣкомъ», т. е. зауряднымъ городскимъ жителемъ небольшого городка Свѣяжска, расположеннаго подъ Казанью; а Романъ Пахомовъ былъ «сыномъ боярскимъ», т. е. военнымъ человѣкомъ, дворяниномъ, по нашему — младшимъ офицеромъ. Такимъ образомъ, эти «безстрашные люди», одинъ штатскій, а другой военный, несли трудную нелегальную конспиративную службу связи, содѣйствуя общенію фактически плѣненнаго Патріарха

съ его паствой, съ русскими людьми, отрѣзанными отъ него одолѣвшею Русь враждебною силою. —

Какъ разъ въ это время смута и разореніе на Руси достигли наибольшей высоты. Россія переживала ужасы междуцарствія. Самозванцы бродили по ея просторамъ. Вслѣдъ за Лжедмитріемъ I появились и другіе Лжедмитріи. Долгое время Москвѣ угрожалъ Лжедмитрій II, такъ называемый «Тушинскій Воръ», расположившійся съ своимъ войскомъ лагеремъ въ Тушинѣ, почти подъ самой Москвою, бѣжавшій потомъ въ Калугу и погибшій какъ разъ въ 1611 году, когда Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ ходили тайкомъ къ Патриарху и отъ Патриарха въ разныхъ мѣстахъ появлялись все новые Лжедмитріи. Во Псковѣ былъ свой «воръ». Въ другомъ углу на низовьяхъ Волги и на Дону дѣйствовали другіе самозванцы. А надъ остатками «тушинцевъ» все еще парилъ призракъ перваго Лжедмитрія въ лицѣ злосчастной Марины Мнишекъ и прижитого ею въ скитаніяхъ сына ея, такъ называемаго «воренка»

Въ самой Москвѣ бояре послѣ низложенія Царя Василя Шуйскаго, инсценировали процедуру «всенароднаго» избранія на царскій престолъ католика, королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда, осаждавшаго русскихъ героевъ въ Смоленскѣ, впустили въ Кремль польскіе отряды и отправили къ Сигизмунду, для окончательныхъ переговоровъ о воцареніи Владислава, свое «великое посольство» Москва незамѣтно оказалась оккупированной польскимъ войскомъ и переживала тяжелую пору польской военной диктатуры. Ею фактически правилъ отъ имени «семи бояръ», остававшихся въ Москвѣ, и пытался править также и другими городами и уѣздами — полковникъ Гонсеѣвскій, смѣнившій Жолкѣвскаго. Въ то же время Москва была обложена извнѣ. Нѣкоторое время вокругъ нея стояло русское патриотическое ополченіе, которое въ отвѣтъ на призывы Патриарха Гермогена, сколотило изъ разнообразныхъ и, къ несчастью, непримиримыхъ элементовъ, рязанскій патриотъ Проконій Ляпуновъ, позднѣе тутъ же и погибшій отъ руки Заруцкаго, примкнувшаго къ этому ополченію. Послѣ распада этого ополченія казачьи остатки его — подъ главенствомъ князя Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго — оставались подъ стѣнами столицы, мѣшая полякамъ дѣйствовать изъ Москвы

Всюду бродили «литовскіе люди» и «русскіе воры». Набѣгами на окрестное населеніе занимались «салѣжинцы», подѣ командованіемъ польскаго пана Салѣги, оставшагося безъ дѣла послѣ распада тушинскаго лагеря. Грабили со своими казаками и бывшіе тушинцы, перекрасившіеся было въ патріотовъ-ополченцевъ — Андрей Просовецкій и Заруцкій. Грабили всѣ, кто только могъ!..

Разрозненно, безъ связи другъ съ другомъ и безъ плана дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ и патрісты-партизаны, подбадриваемые вѣстями о твердости и непреклонности Патріарха Гермогена, и призывами, раздававшимися изъ Троицко-Сергіевой лавры, не разъ превращавшейся въ это время въ подлинную крѣпость и переживавшей настоящія осады.

Такъ проходилъ 1611 годъ, омраченный гибелью Проксія Ляпунова, взятіемъ Смоленска Сигизмундомъ и оккупаціей шведами Новгорода Великаго... —

Въ такихъ условіяхъ, въ такой обстановкѣ и совершали свои подвигъ безстрашные люди Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ, связывая великаго вдохновителя всей патріотической борьбы Патріарха Гермогена, какъ «тюремнаго сидѣльца», съ русскими людьми, остававшимися на свободѣ и помышлявшими объ освобожденіи и возрожденіи родины.

Имъ не разъ удавалось пробраться въ Кремль. Они присылались къ Патріарху изъ Нижняго Новгорода «съ совѣтными челобитными» и Святитель Гермогенъ имѣлъ уже возможность испытать ихъ въ этомъ патріотическомъ служеніи. Именно къ концу 1610-го и началу 1611 года относятся наиболѣе рѣшительные призывы Патріарха встать на защиту вѣры и готовиться къ освобожденію Москвы отъ иновѣрцевъ-поляковъ. Извѣстно, что какъ разъ въ концѣ декабря 1610 года въ руки Гонсіевскаго попала грамота Гермогена, написанная въ этомъ духѣ. Нѣсколькими днями спустя — уже въ январѣ — поляками были перехвачены другія такія же грамоты Гермогена; извѣстно даже имя того неудачника, который былъ захваченъ съ этими грамотами, отправленными Патріархомъ въ Нижній Новгородъ или Суздаль: это былъ Василій Чертовъ.

Поляки, распоряжавшіеся въ Москвѣ, прибѣгли къ репрессіямъ для того, чтобы заглушить призывный голосъ Гермогена и пресѣчь дѣйствіе его грамотъ. Отъ него были убраны «діаки,

подъячіе и всякіе дворовые люди», его дворъ былъ разграбленъ и онъ былъ заточенъ въ келью — «аки птица въ заклень». При такихъ условіяхъ общеніе съ нимъ стало подлиннымъ подвигомъ самоотверженія, находчивости и умѣнія.

Изъ другой, дошедшей до насъ грамоты (уже не Гермогена) мы знаемъ, что 12 января 1611 года, т. е. уже послѣ «заклена», отъ Патріарха въ Нижній прибыли два человѣка и привезли отъ него переданныя на словахъ указанія о томъ, что надо дѣлать.

Сношенія продолжались и далѣе.

Упомянутая выше грамота Гермогена, адресованная имъ нижегородцамъ, но обращенная ко всѣмъ русскимъ людямъ-патріотамъ, писалась уже послѣ всѣхъ этихъ тягостныхъ событій и послѣ обозначившагося крушенія попытки Прокопія Ляпунова — въ моментъ всеобщей растерянности и разброда въ умахъ, въ дни, можетъ быть, наибольшаго отчаянія и упадка духа.

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ увѣщаетъ русскихъ людей оставаться твердыми въ своей борьбѣ за вѣру и родину, предостерегая отъ уклоненія съ прямой и трудной дороги въ дебри соблазновъ и шатаній. Какъ разъ въ это время въ Москву пришелъ слухъ о томъ, что казаки, возглавляемые Заруцкимъ, склонны провозгласить царемъ сына Марины Мнишекъ, и тѣмъ воскресить самозванчину. Отъ этого соблазна Гермогенъ и удерживаетъ русскихъ людей. Онъ пишетъ:

«Благословеніе архимаритомъ и игменомъ и протопопомъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и діакомъ, и дворяномъ. и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру: отъ Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи. Миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ Митрополиту Ефрему. чтсбъ Митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманьѣ безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина паньина сына...» (здѣсь дефектъ документа мѣшаетъ прочитатъ написанныя слова) «не благославляю. И на Вологду ко властемъ пишите жъ, такъ же бы писали въ полки. Да и къ Рязанскому пишите тожъ, чтобъ въ полки такъ же писали къ бояромъ учителную грамоту, чтобъ уняли

грабежъ, корчму, блядню и имѣли бѣ чистоту душевную и братство, и промшляли бѣ, какъ реклись, души свои положити за Пречистыя Домъ и Чудотворецъ и за вѣру, такъ бы и совершили. Да и во всѣ города пишете, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ, проклять отъ святого собору и отъ насъ . . .»

Вотъ основная часть этой краткой грамоты Патриарха. Онъ заключаетъ ее словами:

«А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеше и разрѣшеніе въ семь вѣцѣ и будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а язъ долженъ за васъ Бога молити». —

Эта грамота содержитъ въ себѣ призывъ стоять крѣпко за національные идеалы и православную вѣру, и заключаетъ въ себѣ, далѣе, опредѣленные директивы поведенія.

Въ моментъ страшнаго моральнаго и политическаго распада Патриархъ Гермогенъ возвышаетъ свой голосъ, призывая всѣхъ русскихъ людей бороться за освобожденіе и воссозданіе Православной Руси, какъ за подлинный и великій Домъ Пречистой Богородицы, и указывая на опасность непродуманныхъ и безотвѣтственныхъ рѣшеній. Онъ предостерегаетъ русскихъ матріотовъ отъ заключенія соблазнительныхъ соглашеній съ невѣрными и опасными союзниками (вродѣ Заруцкаго), отъ самозванщины, безгосударственной идеологіи и воровскихъ авантуръ; и зоветъ ихъ проводить четкую, прямую и государственную, «земскую» линію въ борьбѣ за Россію.

Значеніе этихъ грамотъ въ исторіи преодоленія русской смуты было исключительное. Слова заключеннаго Патриарха пріобрѣтали силу священнаго зова и велѣнія; въ нихъ говорилъ живой духъ Православной Церкви и русской государственности, повелительно указывавшій цѣль и пути борьбы.

Исторически эти грамоты связаны со славными именами Романа Нахомова и Родіона Мосѣева. Святѣйшій вѣрилъ своимъ посланцамъ и высоко цѣнилъ ихъ подвигъ. Они были не только носителями его грамотъ, но и передатчиками его устныхъ повелѣній; болѣе того, они были активными пропагандистами его идеи.

Объ этомъ мы читаемъ въ той же грамотѣ. Патриархъ пишетъ о нихъ:

«А имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый» (т. е. Маринкинъ сынъ) «стнюдь не надобе... А въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ...»

Патриархъ велитъ нижегородцамъ привлечь Мосѣева и Пахомова къ наиболее трудной работѣ, въ качествѣ активныхъ пропагандистовъ по городамъ. Онъ вѣритъ имъ не только какъ храбрымъ посланцамъ, но считаетъ ихъ убѣжденными, прямыми людьми, которымъ довѣряетъ «свое слово»: онъ поручаетъ имъ дѣйственно претворять въ жизнь его велѣнія и полагается на ихъ идейную убѣжденность и стойкій патриотизмъ.

Исторія сохранила намъ имена этихъ доблестныхъ, прямыхъ и бѣлыхъ людей, выведившихъ Россію изъ смуты; и русскій народъ не забудетъ ихъ, пока онъ будетъ жить на землѣ.

Лоллій Львовъ.
